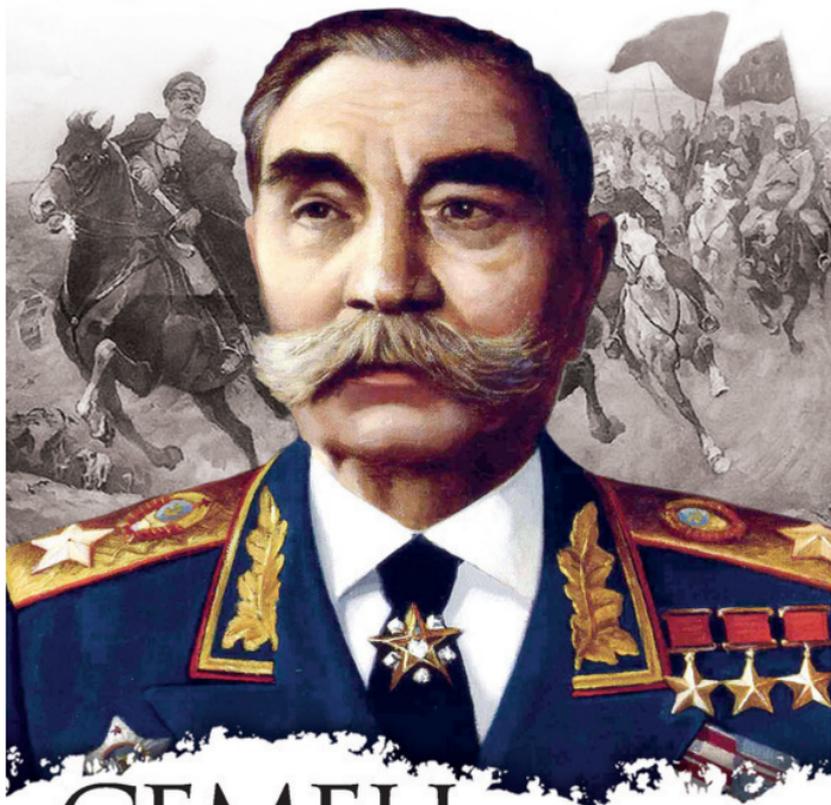

100 ЛЕТ РККА | КНИГИ ОСНОВАТЕЛЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ

СЕМЕН БУДЕННЫЙ

КРАСНАЯ АРМИЯ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Семен Михайлович Буденный
Красная армия в
Гражданской войне
Серия «100 лет РККА. Книги
основателей Красной армии»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29192984

*Семен Буденный. Красная армия в Гражданской войне: Родина; Москва;
2018*

ISBN 978-5-907024-04-5

Аннотация

В 2018 году исполняется 100 лет образования РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии). Семен Михайлович Буденный – один из ее основателей, легендарный красный полководец, командующий Первой Конной армией, главной ударной силы РККА в годы Гражданской войны. В своей книге С. М. Буденный рассказывает о том, как была образована Красная армия, как она действовала, почему смогла победить прекрасно вооруженные, пользующиеся поддержкой Запада белые армии. Помимо этого, Буденный пишет о многих видных деятелях эпохи Гражданской войны, так или иначе связанных с РККА, – о Ленине, Троцком, Сталине, Фрунзе и других. Сведения, приводимые

С. М. Буденным, отличаются точностью, его оценки основаны на фактах, известных только ему как непосредственному участнику событий.

Содержание

Предисловие	6
Начало Гражданской войны. Сталин в Царицыне. Спор с Троцким	14
Обращение Сталина к Конному корпусу.	45
Разгром Мамонтова и Шкуро	
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Семен Буденный Красная армия в Гражданской войне

© Буденный С. М., правообладатели, 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Предисловие (от редакции)

Автор этой книги Семен Михайлович Буденный (1883–1973) – легендарный советский военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой Конной армией, один из первых Маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

Он родился на хуторе Козюрин (ныне Пролетарского района Ростовской области) Платовской станицы (ныне – Буденовская) в бедной крестьянской семье Михаила Ивановича Буденного.

В 1903 году Семен Буденный был призван в армию. Служил срочную службу на Дальнем Востоке в Приморском драгунском полку, там же остался на сверхсрочную. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов в составе 26-го Донского казачьего полка.

В 1907 году как лучший наездник полка был отправлен в Петербург, в офицерскую кавалерийскую школу на курсы наездников для нижних чинов, которые закончил в 1908 году. До 1914 года служил в Приморском драгунском полку. Участвовал в Первой мировой войне старшим унтер-офицером 18-го драгунского Северского полка на Германском, Австрийском и Кавказском фронтах, был награжден за храб-

рость Георгиевскими крестами (солдатский «Егорий») четырех степеней («полный бант») и четырьмя Георгиевскими медалями.

Уже в молодости Семен Буденный отличался независимым нравом и повышенным чувством справедливости. Так, например, приказом по дивизии он был лишен своего первого Георгиевского креста 4-й степени, полученного им на Германском фронте, за рукоприкладство к старшему по званию – вахмистру, который перед этим оскорбил и ударил Буденного в лицо.

Интересно, что в годы горбачевской перестройки, когда началась массовая кампания клеветы на советское прошлое, прежде всего на сталинскую эпоху, и символы советского времени стали смешивать с грязью, нашлись юркие журналисты, которые распространили в печати версию, что это-де «вахмистр Буденный» избивал солдат перед строем и даже получал выговоры от начальства за излишнюю жестокость. На самом деле до вахмистра Буденный так и не дослужился, во многом из-за своих стычек с командованием, – он встретил революцию в чине старшего урядника. Зато солдаты его любили и уважали: в 1917 году он был избран председателем полкового комитета и заместителем председателя дивизионного комитета в Кавказской кавалерийской дивизии.

В августе 1917 года Буденный вместе с М. В. Фрунзе руководил разоружением эшелонов корниловских войск в Орше. После Октябрьской революции вернулся на Дон, в станцию Платовскую, где был избран членом исполнительного комитета Сальского окружного Совета и назначен заведующим окружным земельным отделом.

В феврале 1918 года он создал революционный конный отряд, действовавший против белогвардейцев на Дону, который влился в 1-й кавалерийский крестьянский социалистический полк под командованием Б. М. Думенко, в который Буденный был назначен заместителем командира полка. Полк впоследствии вырос в бригаду, а затем кавалерийскую дивизию, успешно действовавшую под Царицыном в 1918-м – начале 1919 года.

Во второй половине июня 1919 года в Красной Армии было создано первое крупное кавалерийское соединение – Конный корпус, участвовавший в августе 1919 года в верховьях Дона в упорных боях с Кавказской армией генерала П. Н. Врангеля, дошедший до Царицына и переброшенный к Воронежу, в Воронежско-Касторненской операции 1919 года вместе с дивизиями 8-й армии одержавшее победу над казачьими корпусами генералов Мамонтова и Шкуро. Части корпуса заняли город Воронеж, закрыв 100-километровую

брешь в позициях войск Красной Армии на московском направлении. Победы Конного корпуса Буденного над войсками генерала Деникина под Воронежем и Касторной ускорили разгром противника на Дону.

19 ноября 1919 года командование Южного фронта на основании решения Реввоенсовета Республики подписало приказ о переименовании Конного корпуса в Первую Конную армию. Командующим этой армией был назначен Буденный. Первая Конная армия, которой он руководил по октябрь 1923 года, сыграла важную роль в ряде крупных операций Гражданской войны по разгрому войск Деникина и Врангеля в Северной Таврии и Крыму, а также участвовала в советско-польской войне.

Как пишет в своих воспоминаниях С. М. Буденный, Первая Конная армия вызывала жгучую ненависть у врагов Советской России, что понятно, у троцкистов и оппозиционеров всех мастей, что тоже можно понять, но самое удивительное, она подвергалась нападкам людей, вроде бы называющих себя сторонниками советского строя. Ложь о «разложении» Первой Конной, о поголовном пьянстве в ее рядах, о массовых насилиях и грабежах в отношении мирных жителей не утихала на протяжении многих лет.

Если бы С. М. Буденный мог бы заглянуть в будущее, он бы поразился, насколько увеличилась и разрослась эта ложь в перестроечные и «демократические» времена...

В 1923 году Буденный назначается помощником главкома Красной Армии по кавалерии и членом РВС СССР. В 1924–1937 годах он – инспектор кавалерии РККА. В 1932 году оканчивает Военную академию им. М. В. Фрунзе. При этом в рамках изучения новых современных методов борьбы с противником – в 1931 году совершает свой первый прыжок с парашютом с самолета.

22 сентября 1935 года «Положением о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» были введены персональные воинские звания. В ноябре 1935 года ЦИК и Совнарком СССР присвоил пяти крупнейшим советским полководцам новое воинское звание «Маршал Советского Союза». В их числе был и С. М. Буденный.

С 1937 по 1939 год Буденный командовал войсками Московского военного округа, с 1939 года – он был членом Главного военного совета НКО СССР, заместителем наркома, с августа 1940 года – первым заместителем наркома обороны СССР.

Вопреки еще одной «перестроечной» версии о том, что Буденный якобы не понимал роли техники в грядущей войне с гитлеровской Германией и постоянно говорил о кавалерии как главном роде войск, он, отмечая важную роль кавалерии в маневренной войне, в то же время выступал за техническое

первооружение армии. Это прослеживается в его книге, где он уже в годы Гражданской войны подчеркивает значение авиации, танков, броневиков и бронепоездов в военных действиях, а в 1920-е – 1930-е годы Буденный был одним из тех, кто возглавлял программу по обеспечению Красной Армии современным оружием.

Во время Великой Отечественной войны С. М. Буденный входил в состав Ставки Верховного Главнокомандования, участвовал в обороне Москвы, командовал группой войск армий резерва Ставки, был главкомом войск Юго-Западного направления, командующим Резервным фронтом, главкомом войск Северо-Кавказского направления, командующим Северо-Кавказским фронтом.

С января 1943 года С. М. Буденный – главнокомандующий кавалерией Красной Армии, а в 1947–1953 годах одновременно – заместитель министра сельского хозяйства СССР по коневодству.

Умер С. М. Буденный на 91-м году жизни, 26 октября 1973 года, в Москве от кровоизлияния в мозг. Похоронен на Красной площади в Москве у Кремлевской стены.

* * *

Первая встреча С. М. Буденного с И. В. Сталиным произошла в 1918 году в ходе боев за Царицын, и далее на протяжении более чем тридцати лет Буденный постоянно встре-

чался со Сталиным и служил под его непосредственным руководством. Сталин, как об этом пишет Буденный в своих воспоминаниях, всегда относился с большим вниманием к нуждам армии, к нему в любой момент можно было обратиться за помощью в решении трудных вопросов, и такая помощь следовала незамедлительно.

Разительный контраст со Сталиным представлял Предреввоенсовета Республики Троцкий. Буденный пишет о его позерстве, нежелании вникать в повседневные потребности армии, склонности к фразерству и пустопорожней болтовне. Не случайно Буденный полностью поддерживал Сталина в его борьбе против Троцкого, также как и против других партийных оппозиционеров, которые, по мнению Семёна Михайловича, не приносили ничего кроме вреда советской стране и ее вооруженным силам.

В годы горбачевской «перестройки» и после нее большей популярностью в «демократической» печати пользовалась история о том, что в 1937 году С. М. Буденный едва не был арестован как «враг народа». Журналисты и писатели из числа «демократов» рассказывали о том, как он защищался с пулеметом и гранатами от агентов НКВД, пришедших забрать его. Мало того, что эта история не имеет никакого документального подтверждения, – как и многие другие истории от «демократов», – таким «историкам» не следовало бы забывать, что в партию Буденного принимал лично Сталин и он же поручился за него и дал ему рекомендацию. Не надо объ-

яснить, наверно, что это означало в 1930-е годы...

До конца своей жизни С. М. Буденный сохранял к И. В. Сталину огромное уважение. Примечательно, что мемуары Буденного были опубликованы в 1959 году, в разгар хрущевской борьбы с «культом личности», но в них нет ни одного слова, которое бы порочило память Сталина. «У меня со Сталиным было немало встреч, бесед по многим вопросам. Мне нравились в характере Сталина такие черты, как прямота, откровенность, твердость», – пишет в заключение С. М. Буденный и рассказывает, как Сталин подарил ему когда-то свою фотокарточку с надписью: «Создателю красной конницы, другу и товарищу Семену Михайловичу Буденному от И. Сталина».

«Этот портрет с надписью висит у меня в кабинете», – заканчивает свою книгу С. М. Буденный.

Начало Гражданской войны. Сталин в Царицыне. Спор с Троцким

Во второй половине мая 1918 года Донская казачья армия Краснова при помощи немецких оккупантов закончила период организации и формирования и начала наступление против краснопартизанских отрядов – опоры Советской власти на Дону.

На Кубани и Тереке в это время еще был период брожения, период расслоения и, я бы сказал, период развития контрреволюции. Точно так же, как в январе – феврале 1918 года на Дону и здесь, в Кубанской и Терской казачьих областях, наиболее ревностными сторонниками монархии выступали казаки-старики.

Основные опорные пункты Советской власти на Северном Кавказе были в Ставрополье. Однако возникшие там в начале 1918 года краснопартизанские отряды так же, как в Донской области, были слабые и в основном потому, что стояли на местнических позициях, действовали вразнобой, не помогая друг другу. Местнические настроения в отрядах насаждались прежде всего командирами отрядов. Они избегали совместных действий и уклонялись от объединения только потому, что боялись попасть в чье-либо подчинение.

Индивидуализм некоторых партизанских командиров приводил к тому, что их отряды становились добычей организованных и объединенных в части белогвардейцев.

При поддержке империалистических держав быстро росли силы контрреволюции, но одновременно росли и вооруженные силы пролетарской революции. На юго-востоке России они сосредоточивались в основном у Царицына.

Из Донбасса через область войска Донского, по железной дороге от станции Лихой на Царицын пробивалась 5-я Украинская Красная армия, возглавляемая К. Е. Ворошиловым. К ней присоединились части 3-й Украинской армии, а также партизанские отряды и население, спасавшееся от кровавого террора белогвардейцев.

Этот семисоткилометровый поход через область, представлявшую собой сплошной вооруженный лагерь контрреволюции, был воистину героическим подвигом. Части Ворошилова, связанные тысячами беженцев, прикованные к железной дороге, по которой медленно двигались десятки эшелонов с грузами и людьми, день и ночь отбивались от противника, нападающего и с фронта, и с тыла, и с флангов.

«Целых три месяца, – писал К. Е. Ворошилов, – окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая ж.-д. полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины».

В исключительно трудное и опасное положение попали

части Ворошилова, когда они подошли к Дону и оказалось, что мост через реку взорван. Белые, усиливая нажим, грозили им уничтожением. Заняв круговую оборону, части Ворошилова вступили в жестокую схватку с белоказаками. Одновременно беженцы и свободные от боя бойцы и командиры не покладая рук трудились над восстановлением моста. Камни, булыжник, земля, кирпич – все, что только можно было найти под руками, сбрасывалось в Дон, а потом из шпал возводились временные фермы и прокладывались рельсы. Только благодаря сверхчеловеческим усилиям удалось восстановить мост и переправить эшелоны на левый берег Дона, под Царицын.

В Царицыне положение в то время было крайне неблагоприятным. У руководства местными советскими, партийными и военными органами находились люди либо нерешительные и неспособные, либо провокаторы из эсеров-меньшевистского охвостья. С. К. Минин, возглавляющий Советскую власть в городе и царицынские партизанские силы, не всегда правильно разбирался в сложной обстановке, а в ряде вопросов занимал вредную для общего дела позицию. Он недружелюбно относился ко всем пришлым, нецарицынским. Ему хорошо было известно о движении частей К. Е. Ворошилова к Царицыну. Однако он не выступил на помощь им и даже не организовал надежную охрану моста через Дон, что уже граничило с преступлением.

Положение изменилось, когда в июне по решению Центрального Комитета партии в Царицын прибыл И. В. Сталин в качестве чрезвычайного уполномоченного по продовольствию.

Как известно, выполняя свою задачу, ему пришлось провести коренную перестройку работы не только гражданских, но и военных учреждений и фактически возглавить оборону города.

Из частей 5-й и 3-й Украинских армий, краснопартизанских отрядов Донбасса и Донской казачьей области, отошедших к Царицыну, была создана группа Ворошилова, впоследствии (в октябре 1918 года) переименованная в 10-ю Красную армию.

В состав этой армии влились и партизанские отряды Сальского округа, из которых во второй половине июня была сформирована 1-я Донская советская стрелковая дивизия. Начальником дивизии назначили Шевкоплясова. При формировании ее был создан 1-й социалистический кавалерийский полк, основой которого явился Платовский кавалерийский дивизион. Командиром кавалерийского полка назначили Думенко, а меня его заместителем.

Общая обстановка на Дону становилась все более напряженной. Генерал Краснов, закончив в основном формиро-

вание Донской белоказачьей армии, перешел в решительное наступление в общем направлении на Царицын.

Стремясь к Царицыну, Краснов хотел отрезать советские части, действующие на Северном Кавказе, оставить их «на съедение» алексеево-корниловской «Добрармии». В дальнейшем он надеялся соединиться с наступающими из Сибири колчаковскими войсками. Но стремление Краснова к Царицыну объяснялось не только его чисто военно-стратегическими целями. Царицын являлся крупным военно-промышленным городом и важным узлом железнодорожных и водных путей. Могучая Волга связывала Царицын с Астраханью, Красноводском и Баку, а Баку – это нефть, Красноводск – среднеазиатский хлопок, Астрахань – рыба. Через Владикавказскую железную дорогу Царицын связывался с Ставропольщиной, Кубанью, Северным Кавказом, богатыми хлебом, скотом, шерстью.

Краснов стремился овладеть Царицыном и потому, что этот город был центром сбора южных краснопартизанских сил. Партизаны знали, что Царицын – это арсенал оружия, патронов, снарядов. Не было тогда на юге России города, равнозначного Царицыну. Знали это и красные и белые, знали и стремились во что бы то ни стало – одни удержать его, а другие овладеть им.

Но если к тому времени, о котором идет сейчас речь, красновская армия была уже в основном сформирована, то 10-я Красная армия, прикрывавшая подступы к Царицыну, еще

только формировалась. К. Е. Ворошилову, возглавившему командование армией, и И. В. Сталину, вошедшему в состав Реввоенсовета армии, приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях объединять мелкие партизанские группы и отряды, в ходе боев переформировывать их в регулярные воинские части, ломать партизанские привычки и методы работы командного состава, внедрять строгую воинскую дисциплину и порядок, обеспечивать войска оружием, боеприпасами, продовольствием, обмундированием.

* * *

Как-то в эти дни – это было в первой половине июля – ко мне на хутор Ильинка, где расположился наш кавалерийский полк, явился некий Ищенко, с которым я ранее встречался в штабе Куберлевского отряда. Он заявил, что в Дубовском состоится совещание и на это совещание надо выделить из полка активистов.

Я встретил Ищенко недружелюбно, и к тому у меня были основания. Он принадлежал к числу тех обозно-партизанских деятелей, которые называли себя пропагандистами и агитаторами, а в действительности были просто болтунами, или, как говорили о них бойцы, бузотерами – любителями говорить, заседать, поучать, но только не воевать. Их было немного, но они очень настойчиво требовали создания солдатских комитетов, таких же, какие были созданы в русской

армии после Февральской революции. Они утверждали, что солдатские комитеты необходимы и в Красной Армии – для установления политического ока над командным составом, а то, мол, в среду командиров проникают чуждые революции элементы. В разговоре со мною Ищенко то и дело подчеркивал, что вопросу создания солдатских комитетов придается большое значение и это видно хотя бы из того, что на совещании будут присутствовать прибывшие в дивизию руководители 10-й армии: член Центрального Комитета партии Нарком Сталин и крупный военный специалист бывший генерал Снесарев.

Ищенко рассчитывал заполучить на совещание подобных себе болтунов, но я его предупредил, что приду с бойцами и командирами, которые сознательно борются с врагами Республики и хорошо знают по своему опыту, что такое Рабоче-Крестьянская Красная Армия и чем она отличается от старой русской армии.

Совещание происходило в небольшом железнодорожном флигельке. Когда я вошел в него с прибывшими со мной бойцами и командирами, тут уже не было ни одного свободного места. Оглядывая присутствующих, я искал Сталина, но, не найдя никого, кто бы своим видом выделялся, как мне казалось должен был выделяться Сталин, я мысленно выругал Ищенко и его компанию – вот ведь действительно бужотеры: на обман пошли, чтобы заманить людей на это никому не нужное совещание.

Выслушав нескольких ораторов, я попросил слова. В своем выступлении я старался как можно убедительней доказать, что время солдатских комитетов отошло, что они нужны были в свою пору для разложения старой русской армии, но теперь они совершенно не нужны нам, поскольку мы должны не разрушать свою армию, а укреплять ее.

Я говорил, что бойцы Красной Армии в подавляющем большинстве своем рабочие и крестьяне, добровольно выступившие на защиту Советской власти, сами из своей среды выдвинули командиров, ничего общего не имеющих с офицерским составом старой армии, и, следовательно, нет оснований не доверять им – они способны и без опеки солдатских комитетов поддерживать в частях сознательную революционную дисциплину.

Возражая против солдатских комитетов, я предложил выдвигать политбойцов, которые будут проводить разъяснительную работу среди красноармейцев.

В заключение своего выступления я сказал, что расцениваю инициаторов создания солдатских комитетов как людей, сознательно подрывающих дисциплину в Красной Армии, и предложил снять с повестки дня этот ненужный и даже вредный для дела вопрос, а инициаторов создания комитетов арестовать и направить в Царицын в распоряжение Реввоенсовета армии.

Многие меня поддержали. Поднялся шум. Когда шум умолк, председательствующий сказал:

– Слово предоставляется товарищу Сталину.

Со стула, поставленного в уголке помещения, поднялся смуглый, худощавый, среднего роста человек. Одет он был в кожаную куртку, на голове кожаная фуражка, утопающая в черных волосах. Черные усы, прямой нос, черные чуть-чуть прищуренные глаза.

Сталин начал свою речь с того, что назвал мое выступление в основном правильным. Говорил он спокойно, неторопливо, с заметным кавказским акцентом, но очень четко и доходчиво. Он сказал, что солдатские комитеты действительно оказали неоценимую услугу социалистической революции: помогли большевистской партии внести сознание в революционное движение солдатских масс, поставить большинство солдат на сторону Советской власти и подорвать авторитет реакционного офицерства.

Подчеркнув роль, которую сыграли солдатские комитеты в старой армии, Сталин затем полностью поддержал меня в том, что в Красной Армии создавать солдатские комитеты не нужно – это может посеять недоверие к командирам и расшатать дисциплину в частях. Одобрительно отнесся он и к моему предложению о политбойцах. Он сказал, что, по его

мнению, обстановка требует создания института политкомов подразделений, частей и соединений, которые должны обеспечивать своей политической работой выполнение задач, поставленных перед войсками, и руководить воспитанием бойцов в духе преданности Советской власти.

Предложение арестовать инициаторов этого совещания Сталин отверг. Он сказал, что если поднимается какой-нибудь вопрос, то его надо обсуждать, хорошее принять, плохое отклонить.

Кончая, Сталин попросил участников совещания высказаться о целесообразности введения института политкомов. Все высказались за политкомов и предложили тут же принять решение в этом духе, но Сталин сказал, что на совещании конкретного решения принимать не следует, и заверил нас, что Реввоенсовет учтет высказанные нами пожелания. На этом совещание окончилось.

Когда все вышли на улицу, Сталин подозвал меня к себе и стал расспрашивать: кто я по социальному происхождению, какой частью или подразделением командую, какое имею образование. Когда я ответил на эти вопросы, Сталин попросил меня рассказать о том, что я делал после Февральской революции. Я доложил все, что его интересовало.

– Ну вот теперь мы с вами хорошо знакомы, – сказал Сталин и пожал мне руку.

Присутствующий при нашем разговоре бывший генерал-лейтенант старой армии Снесарев – он состоял при Ста-

лине в качестве военного специалиста – обратился ко мне с вопросом:

– В каких случаях вы можете идти в атаку в конном строю на пехоту противника?

Это, очевидно, была проверка моих военных знаний.

Я ответил:

– Во-первых, когда боевые порядки пехоты расстроены, во-вторых, при преследовании противника и, в-третьих, при внезапном нападении.

Снесарев сказал:

– Правильно! – И, обращаясь к Сталину, заметил: – Службу знает.

После этого я подал прибывшим со мною бойцам и командирам команду:

– По коням!

Люди, прибывшие со мною в Дубовское, были все как на подбор, подтянутые, лихие всадники, на хороших лошадях. Заметив, что Сталин с интересом смотрит на моих конников, я подъехал к нему. Он еще раз пожал мне руку и сказал, что бойцы и командиры-кавалеристы произвели на него хорошее впечатление.

Мы направились в свой полк, а Сталин со Снесаревым в сопровождении Шевкоплясова и других командиров пошел к себе в вагон, стоявший на станции.

Так состоялась моя первая встреча с И. В. Сталиным.

Первая попытка белогвардейцев овладеть Царицыном закончилась для них провалом. Но к 10 сентября противник, сосредоточив крупные силы, вновь перешел в наступление на Царицын. Развивая наступление, белогвардейцы к 17 октября вторично окружили Царицын, заняв все подступы к нему по берегу Волги, от Пичуги на севере до Сарепты на юге. Одновременно противник стремился полностью окружить и уничтожить Сальскую группу войск. С этой целью белые предприняли наступление с севера, из района станции Жутово, и с юга, из района станции Куберле. Но наши части перешли в контрнаступление и 20 октября овладели станцией Жутово, а затем захватили Абганерово.

В это же время на ближайших подступах к Царицыну, сосредоточив большие силы, белогвардейцы начали яростный штурм города. Волна за волной с гиком и свистом катились белоказачьи полки на позиции наших поредевших частей. Героические защитники Царицына переживали критические минуты. Казалось, что превосходящие силы врага сомнут жидкие цепи нашей пехоты и хлынут в город. Но этого не случилось. Царицынский пролетариат грудью встал на защиту родного города. Самоотверженным трудом рабочих были подготовлены и оснащены артиллерией несколько бронепоездов.

Эти бронепоезда и умело сосредоточенная Реввоенсоветом 10-й армии артиллерия стрелковых частей стали героями сражения. В решающий момент они открыли ураганный огонь. В течение продолжительного времени на центральном участке обороны Царицына стоял потрясающий грохот. Тучи дыма и земли вздымались к небу, закрывая солнце. И когда дым рассеялся, а земля осела, защитники города увидели беспорядочно удиравшие толпы белоказаков.

Неожиданно началось бегство белогвардейцев и на южном участке обороны. Оказалось, что подошедшая с Северного Кавказа стрелковая дивизия Жлобы нанесла противнику внезапный удар в тыл у Сарепты. Воспользовавшись успехом бронепоездов, артиллерии и дивизии Жлобы, стрелковые части 10-й армии, напрягая все свои физические и моральные силы, перешли в контрнаступление и, отбросив противника к Дону, 22 октября заняли Вертячий, Карповку и Тингуту.

В то же время успешные действия кавалерийской бригады против казачьих частей в районе Абганерово, Аксай, Гнилоаксайская, Самохин, Жутов-второй убедительно доказывали высокую боеспособность красных кавалерийских частей. Эти бои позволяли сделать вывод, что если бы Красная Армия смогла противопоставить многочисленной белой коннице свои крупные кавалерийские массы, инициатива была бы вырвана из рук противника.

Так считали К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин и другие руко-

водители 10-й армии, но иначе думал Наркомвоенмор Троцкий, приехавший в Царицын перед боями в районе Гнилоаксайской. Нам было известно, что он присутствовал на заседании Реввоенсовета 10-й армии и устроил «разнос» нашему командованию за пассивные действия армии. В ответ на это Реввоенсоветом был представлен отчет, раскрывающий соотношение сил наших и противника. Особенно «бледно» выглядели мы в соотношении сил конницы. Противнику, располагавшему многими конными корпусами, мы могли противопоставить, кроме стрелковых дивизий, одну кавалерийскую бригаду и несколько малочисленных частей войсковой конницы.

В Абганерово наша кавбригада была представлена Троцкому. Осмотрев бригаду, он выступил перед бойцами с речью, в которой назвал бригаду «примой в общем ансамбле боя».

Воспользовавшись случаем, я обратился к Троцкому – попросил его разрешить высказать свое мнение относительно создания в нашей Красной Армии крупных кавалерийских соединений.

– А в чем оно заключается? – спросил он.

– Учитывая большой размах войны, принявшей маневренный характер, и то, что у противника главную роль играет массовая казачья конница, нам бы нужно создать свою массовую кавалерию, сведенную в дивизии и корпуса...

– Товарищ Буденный, – прервал меня Троцкий, – отдаете

ли вы отчет в своих словах? Вы не понимаете природы кавалерии. Это же аристократический род войск, которым командовали князья, графы и бароны. И незачем нам с мужицким лаптем соваться в калашный ряд.

* * *

Были ли это собственные взгляды Наркомвоенмора? Скорее всего, ответ Троцкого отражал мнение окружавших его военспецов, которые всячески тормозили создание советской кавалерии – одни сознательно, работая в интересах врага, другие, «добросовестно» заблуждаясь в определении роли кавалерии в гражданской войне. Но те и другие так или иначе действовали на руку Деникину.

Ведь в чем заключался секрет успеха белых в то время?

Гражданская война сразу же приняла маневренный характер. Это была война на широких просторах с весьма условной линией фронта; бои велись за наиболее важные города, железнодорожные узлы, села; всегда существовала возможность обхода, охвата, удара по флангам и тылам. Совершенно очевидно, что в такой войне маневр должен был приобрести решающее значение, а носителем маневра был наиболее подвижный в то время род войск – кавалерия.

Располагая преимущественно кавалерийскими частями и соединениями, белые быстро производили нужную им перегруппировку войск и превосходящими силами наноси-

ли удар по наиболее слабому месту нашего фронта. В случае неудачи в бою они оставляли перед нашими войсками небольшой конный заслон, а основными силами уходили, чтобы создать необходимую группировку и нанести новый удар в более опасном для нас направлении. Наши же стрелковые части, ограниченные в маневре, не могли своевременно сосредоточиться на угрожаемом участке фронта либо быстро уйти из-под удара белой конницы. Даже выиграв бой, мы часто не могли добиться полной победы, так как наша малоподвижная пехота была не в состоянии вести эффективное преследование конницы с целью окружения ее и уничтожения. Для выполнения этих задач нам нужна была своя массовая конница, то есть не отдельные конные части, входящие в состав стрелковых дивизий, решающие задачи в их интересах, а крупные соединения стратегической конницы, способные решать любые задачи как самостоятельно, так и во взаимодействии с пехотой, в интересах армии и фронта.

Опыт начала Гражданской войны убеждал меня, что массированное применение конницы, особенно для развития успеха пехоты и ударов во фланг и тыл, часто приводит к полному разгрому противника. Белые, в частности на Южном фронте, добивались успеха именно потому, что их войска состояли преимущественно из крупных конных казачьих соединений. Надо было лишить врага этого козыря.

Обстановка властно требовала создания крупных кавалерийских соединений, однако это было сопряжено с больши-

ми трудностями.

Красная Армия создавалась в боях, времени на организацию ее было очень мало. Объединение партизанских отрядов и реорганизация их в регулярные части и соединения происходили, что называется, на ходу.

Кроме того, после Октябрьской резолюции почти весь офицерский состав кавалерии старой армии оказался в контрреволюционном лагере. А наши командиры, вышедшие из масс трудового народа, в большинстве своем недостаточно знали военное дело. Многие из них оказались талантливыми организаторами, но искусству воевать им впервые пришлось учиться уже на поле боя. На первых порах некоторые наши командиры, даже старшие, не всегда правильно разбирались в принципах использования в бою родов войск, в частности кавалерии. Были и такие, которые сознательно или несознательно препятствовали организации частей и соединений кавалерии.

* * *

Следует отметить, что создание регулярных частей Красной Армии из краснопартизанских отрядов вообще встречало упорное сопротивление со стороны большинства командиров этих отрядов, зараженных духом анархизма в период их самостоятельных действий. Они выступали против строгой воинской дисциплины, считая дисциплину насилием над

волей людей. Защищая свой ложный авторитет, они противопоставляли себя старшим командирам, не желали никому подчиняться и тем возбуждали дух неповиновения среди бойцов.

С другой стороны, в только что сформированные полки и дивизии проникали и махровые контрреволюционеры с целью разложения регулярных частей Красной Армии. Они подогревали своевольное поведение анархически настроенных командиров и бойцов, сеяли пораженческие слухи, призывали к восстанию. Так, в результате вражеской работы скрытых контрреволюционеров и анархического поведения отдельных командиров взбунтовалась Волжская дивизия, созданная из партизанских отрядов рабочих и служащих Волжского пароходства. Дивизия самовольно снялась с фронта и ушла в Дубовку.

Узнав об этом, Сталин и Ворошилов лично выехали в Дубовку и приняли решительные меры по наведению порядка в дивизии. Они очистили ее от злостных провокаторов, арестовали распоясавшихся анархистов, ставших орудием в руках наших врагов.

Не успели Сталин и Ворошилов вернуться из Дубовки в Царицын, как аналогичный бунт произошел в полку грузолесов. Этот полк, созданный из грузчиков порта и главным образом из рабочих лесосплава, так же как и Волжская дивизия, отказался идти на фронт. Пришлось прибегнуть к силе, чтобы обезоружить бунтовщиков и арестовать предателей.

Много было трудностей при обороне Царицына. Бывшие чиновники, контрреволюционные элементы из рядов свергнутых классов, замаскированные меньшевики и эсеры сеяли панику, нарушали нормальную жизнь города, саботировали работу на предприятиях, срывали снабжение рабочих и армии продовольствием и особенно отправку хлеба в Москву и другие промышленные центры Советской республики.

И все эти колоссальные трудности были преодолены большевиками Царицына под руководством Сталина и Ворошилова, в которых все мы видели посланцев Центрального Комитета нашей партии.

* * *

Летом 1919 года армии Деникина, быстро продвигавшиеся с юга к центральным областям страны, были для молодой Советской республики самым опасным врагом.

9 июля в своем письме к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным» Ленин указывал, что наступил самый критический момент в социалистической революции, и призывал всех коммунистов, сочувствующих, рабочих, крестьян напрячь все силы на отражение нашествия Деникина. Для организации отпора врагу партия направляла на Южный фронт лучших своих работников. На Южный фронт срочно перебрасывались части Красной Армии с Восточного фронта, вооружение и снаряжение.

ЦК партии во главе с Лениным готовил силы, которые должны были не только остановить врага, но и, перейдя в наступление, разгромить его. Но пока 10-я и другие армии Южного фронта вынуждены были, сдерживая врага, повсеместно отходить на север.

Положение осложнилось в связи с изменой в сентябре 1919 года Миронова, который командовал 23-й стрелковой дивизией, а потом Донским корпусом. Не закончив полностью формирование корпуса, Миронов увел казаков из Саранска, будто бы для оказания помощи Южному фронту, а на самом деле для того, чтобы перейти на сторону белых. Объявляя Миронова вне закона, Советское правительство предписывало всем командирам частей и соединений Красной Армии в случае появления изменника в их районе принять меры к аресту его и отправке в вышестоящие инстанции.

Мною тогда была получена директива штаба Особой группы войск Южного фронта. Конному корпусу, которым я командовал, приказывалось сосредоточиться в районе Арчеды и Гуляевки, имея дальнейшей задачей форсированным маршем выйти в район Новохоперска, найти и разгромить корпус Мамонтова. В связи с этой задачей наш корпус выводился из состава 10-й армии и подчинялся непосредственно командующему Особой группой войск Южного фронта.

Директива командующего Особой группой войск о выдвигении корпуса в район Новохоперска не позволила осу-

ществить намеченный мною план рейда на Миллерово. Но изменника Миронова упускать не хотелось. Располагая данными о Миронове, мы разработали маршрут движения корпуса к Новохоперску так, чтобы в полосе движения встретить его корпус.

Утром 11 сентября дивизии корпуса, выслав вперед и на фланги разведку, выступили по маршруту: Кепинский, Арчединская, Бочаровский, Старо-Анненская.

13 сентября, когда мы уже приближались к Старо-Анненской, я ехал в голове колонны 4-й дивизии, смотрел на свою потрепанную карту и ломал голову над тем, где же все-таки Мамонтов. В директиве командующего Особой группой говорилось: «Найти и разгромить Мамонтова», а где действует Мамонтов, не указывалось. Похоже на то, что ищи ветра в поле. В конце концов я махнул рукой, решив, что в дальнейшем обстановка прояснится.

Не доезжая хутора Верхне-Лесного, фланговые разъезды натолкнулись на разъезды Миронова. Корпус его выдвигался из хутора Сатаровского к хутору Верхне-Лесному. Получив донесение об этом, я вызвал начальников дивизий и поставил им задачи: 4-й дивизии окружить корпус Миронова и предложить ему сдаться, а 6-й дивизии приготовиться к бою на случай прорыва мионовцев.

Картина встречи наших частей с корпусом Миронова хорошо наблюдалась с высоты, на которой мы остановились. При подходе 4-й дивизии к хутору Сатаровскому Миронов

начал строить своих казаков.

– Никак не пойму, для чего ему понадобилось это построение? – удивился комиссар корпуса Кивгела.

– Сейчас увидим. Может, он так рад встрече, что хочет устроить в честь нас парад, – пошутил я.

Выстроив казаков, Миронов со своими помощниками встал перед строем. 4-я дивизия к этому времени полностью окружила хутор и подступила к казакам вплотную. Подтягивалась к хутору и 6-я дивизия. Я хотел ехать к Миронову, чтобы арестовать его, но Городовиков подскочил к Миронову, взял его под конвой и привел ко мне.

Миронов страшно возмутился.

– Что это за произвол, товарищ Буденный? – кричал он. – Какой-то калмык, как бандит, хватает меня, командира красного корпуса, тянет к вам и даже не хочет разговаривать. Я построил свой корпус, – продолжал Миронов, – чтобы совместно с вашим корпусом провести митинг и призвать бойцов к усилиям для спасения демократии.

– Какую это вы собрались спасти демократию? Буржуазную! Нет, господин Миронов, поздно, опоздали!

– Что это значит?

– Бросьте притворяться, Миронов... Вы прекрасно понимаете, что обезоружены как изменник, объявленный вне закона.

– Вот какой ты, незаконный живешь, а еще ругаешься! – вставил Городовиков, укоризненно покачав головой.

Казаки Миронова в недоумении перешептывались и со страхом поглядывали на наши многочисленные станковые пулеметы на тачанках, направленные на них.

Я приказал командному составу корпуса Миронова включительно до командира сотни выйти из строя и сложить оружие. Когда приказание было исполнено, я выступил перед казаками и объяснил им, что Миронов объявлен вне закона за измену: он использовал доверие Советского правительства с целью собрать казаков и увести их к белогвардейцам. Поднялся шум – казаки кричали, что они ничего не знали об измене Миронова. С трудом восстановив тишину, я сказал:

– Знали вы об измене Миронова или не знали, но оружие вам придется сдать, оно будет вам возвращено после расследования.

После этого я скоординировал казакам слезать с лошадей и положить перед собой оружие, а начальнику снабжения корпуса Сиденко поручил собрать оружие на повозки и увезти в обозы.

Комиссар, начальник политотдела и начальник Особого отдела корпуса немедленно занялись выяснением, в какой степени и кто причастен к этой измене.

Миронов, его начальник штаба Лебедев, комиссар Булаткин, начдивы Фомин и Золотухин были взяты под усиленную охрану. Остальных командиров и весь рядовой состав корпуса Миронова построили в колонну, и эта колонна на марше заняла место между нашими дивизиями.

Поздно вечером я созвал на совещание комиссара корпуса Кивгела, начальника политотдела корпуса Суглицкого, начальника штаба Погребова и начдивов Городовикова и Батурина.

На совещании был одобрен и утвержден следующий приказ по Конному корпусу: «Командир казачьего корпуса Миронов изменил революции и объявлен Советским правительством вне закона. Преступление Миронова заключается в том, что он, потеряв веру в прочность Советской власти, обманым путем, под предлогом помощи фронту, увел из Саранска формируемый им казачий корпус с тем, чтобы перейти на сторону белых. Кроме того, осуществляя свое преступное намерение, изменник Миронов незаконно разоружал и распускал по домам формируемые части и подразделения Красной Армии и тем самым наносил ущерб Советской республике. Об измене Миронова знали комиссар корпуса Булаткин и начальник штаба корпуса Лебедев. Однако они не приняли решительных мер по пресечению преступных действий и намерений Миронова и фактически сами стали на путь измены. Миронова, объявленного Советским правительством вне закона, расстрелять. Булаткина, Лебедева и других лиц, активно пособничавших преступнику Миронову, предать суду военного трибунала. Командиров

и бойцов бывшего корпуса Миронова, преданность которых Советской республике не вызывает сомнений, распределить по частям Конного корпуса из расчета 3–4 человека в каждый взвод. Комиссару корпуса, комиссарам дивизий и полков провести среди бойцов и командиров соответствующую разъяснительную работу».

На совещании было решено, что приказ будет объявлен в десять часов утра 15 сентября перед строем Конного корпуса и строем бойцов и командиров бывшего корпуса Миронова.

О принятом решении было составлено донесение командующему Особой группой войск Шорину и главкому С. С. Каменеву. Начальник штаба корпуса Погребов послал с этим донесением на станцию Филоново одного командира из оперативного отдела штаба, приказав передать по телеграфу донесение в Саратов и Москву. Но в девять часов утра посланный командир вернулся и доложил, что донесение он не послал, так как на станцию Филоново прибыл председатель Реввоенсовета республики Троцкий и приказал по отношению к Миронову ничего не предпринимать. Троцкий вернул нашего командира обратно, сказав, что он к десяти часам приедет в корпус и лично во всем разберется.

Я послал встретить Троцкого кавалерийский эскадрон и построил корпус в ожидании его приезда.

В десять часов Троцкий в сопровождении командующего 9-й армией Степина въехал на автомашине в Анненскую. Я подал корпусу команду «смирно» и подъехал к Троцкому с

докладом. Выслушав меня, он не поздоровался ни со мной, ни с бойцами.

– Доложите, что думаете дальше делать, – сердито сказал он.

Я спешил, подошел к Троцкому и пригласил его зайти в помещение штаба корпуса.

В штабе я подробно доложил Троцкому о состоянии корпуса, о расследовании преступления Миронова и ознакомил его с приказом по корпусу.

Троцкий недовольно поморщился и сказал:

– Принимаемые вами репрессии по отношению Миронова неправильны. Ваш приказ я отменяю и предлагаю: Миронова, Булаткина и Лебедева под ответственным конвоем отправить по железной дороге в Москву в распоряжение Реввоенсовета республики, а всех казаков мионовского корпуса, в том числе и командиров, в пешем строю под конвоем направить в штаб 9-й армии в Бутурлиновку.

Я пытался напомнить Троцкому, что Миронов объявлен Советским правительством вне закона и поэтому мы имели полное право расстрелять его без суда и следствия.

– Зачем вам заниматься Мироновым, – прервал меня Троцкий. – Ваше дело арестовать и отправить его. Пусть с ним разберутся те, кто объявил его вне закона.

Я позволил себе также сказать, что для конвоирования мионовцев мы должны выделить часть корпуса. Кроме того, необходимо принять на себя лошадей и обоз мионов-

ского корпуса. Таким образом, нам придется превратить одну из своих бригад в команду конвоиров, коноводов и обозников. И это в то время, когда перед корпусом поставлена задача найти и разгромить Мамонтова!

– Знаю, – ответил Троцкий, – и эта задача с вас не снимается.

– Но могу ли я рассчитывать на успех, если одна из двух дивизий корпуса будет возиться с мироновцами?

– Мне все понятно, – остановил меня Троцкий. – И все-таки я полагаю, что вы, несмотря на определенные трудности, выполните приказание председателя Реввоенсовета республики.

Почувствовав, что доказывать Троцкому бесполезно, я сказал, что его приказание будет выполнено.

– Ну вот так-то лучше, – примирительно сказал Троцкий. – Приступайте, голубчик, к делу.

– О приказе, который вы сейчас отменили, – снова обратился я к Троцкому, – знает весь командный состав корпуса. Корпус построен, и я бы просил вас выступить и разъяснить ваше решение.

– Выступить можно, – ответил Троцкий. – Но то, что вы просите, это не тема для разговора. А вот, может быть, ваши бойцы нуждаются в разъяснении каких-либо политических вопросов? Как у вас поставлена в корпусе политическая работа?

– Политическая работа в корпусе ведется систематически,

несмотря на то, что корпус за последнее время вел непрерывные бои, – ответил стоявший рядом со мной Кивгела. – Но дело в том, что к нам приходит много добровольцев, наслышавшихся разных белогвардейских басен о коммунии. В связи с этим нередко у бойцов возникают дебаты: что такое Советская власть? Что такое коммунизм? Недавно, например, я слышал такой разговор: «То коммунисты! А мы не за коммунистов, а за большевиков».

Все засмеялись, и Кивгела закончил, обращаясь к Троцкому:

– Может быть, вы скажете бойцам несколько слов по этому вопросу.

– Хорошо, – сказал Троцкий, – я согласен выступить. Идемте.

* * *

Выйдя из помещения штаба, мы остановились против построенного корпуса. Я подал команду «Смирно», рассчитывая, что Троцкий на этот раз поздоровается с бойцами и командирами. Но он или не знал этого порядка, или же не нашел нужным приветствовать бойцов.

– Пожалуйста, пожалуйста продолжайте свое дело, – кивнул мне Троцкий и, остановившись, стал осматривать выстроенный корпус.

Я подал команду «Вольно» и объявил, что будет говорить

председатель Реввоенсовета республики Троцкий.

Троцкий начал с того, что революция находится в опасности, что мы не выдержим натиска белых, если не наведем организованности и порядка в своих рядах, а потом заговорил о «коренных вопросах социальных проблем».

– Непонятно, – послышался голос из рядов корпуса.

Троцкий повернул голову в сторону бойца, бросившего реплику, и продолжал:

– В наших рядах есть элементы, извращающие наши понятия о формах устройства общества, за которое мы воюем. Я имею в виду коммуну с ее обобществленными средствами, производства и равными условиями пользования общими благами труда.

– Значит, все общее? – вновь послышалась реплика.

– Да, общее, при абсолютной ликвидации частной собственности.

Поднялся шум, сквозь который резко слышались отдельные выкрики:

– Эта коммуна для коммунистов, а мы за большевиков!

Видя, что шум нарастает, я поднял руку. Мгновенно наступила тишина.

– Прошу внимания, товарищи бойцы и командиры. Вот видите, что у меня в руке?

– Видим! Коробка спичек.

– Так вот: на одной стороне этой коробки мы напишем большевик, на другой – коммунист. Поверну ли я эту короб-

ку одной или второй стороной, вниз или вверх, от этого ничего не изменится: коробка останется коробкой. То же самое назовите вы меня большевиком или коммунистом – будет одно и то же.

– Да ну!!!

– Значит ясно?

– Понятно!!! – гаркнули бойцы в один голос.

Троцкий стоял, нервно покусывая губы. Чтобы закончить этот неудавшийся митинг, я вновь поднял руку и провозгласил:

– Да здравствует Красная Армия и председатель Реввоенсовета республики!

Загремело мощное «ура». Троцкий торопливо пошел к машине, и казалось, что боевой клич бойцов подталкивал его в спину...

Потом мне рассказывали, что, вернувшись от нас в Москву, Троцкий говорил:

– Корпус Буденного – это банда, а Буденный – атаман-предводитель. Мое выступление эта банда встретила ревом, а один взмах руки Буденного произвел на них впечатление электрического удара. Это современный Разин. И куда он поведет свою ватагу, туда она и пойдет: сегодня за красных, а завтра за белых.

На второй день после приезда Троцкого в корпус Миронов и Булаткин под конвоем, возглавляемым И. В. Тюленевым, были направлены в Саратов. Бойцы и командиры бывшего

корпуса Миронова, изъявившие желание драться за Советскую власть, были распределены по частям корпуса, а остальные под конвоем направлены в 9-ю армию.

Обращение Сталина к Конному корпусу. Разгром Мамонтова и Шкуро

Корпус продолжал движение к Новохоперску и 18 сентября сосредоточился в Пыховке, Бурляевке, Русанове, Ивановке. Штаб корпуса разместился в Пыховке – десять километров юго-западнее Новохоперска.

Подтянув все части и тылы, корпус расположился на отдых, чтобы в дальнейшем форсированным маршем двинуться в направлении станции Таловая, где, по нашим предположениям, должен был действовать Мамонтов.

Но 20 сентября была получена новая директива командующего Особой группой войск Шорина: корпусу ставилась задача выйти в район Бутурлиновки, а в дальнейшем занять Павловск и действовать в тесной связи с 56-й стрелковой дивизией.

Директива командующего группой фактически отменяла ранее поставленную задачу по разгрому Мамонтова и не объясняла причин движения на Павловск. В дальнейшем нам стало известно, что эта переброска нашего корпуса была вызвана слабостью стыка между 8-й и 9-й армиями и активизацией в районе станицы Казанской крупных сил противника.

Три дня мы двигались по тяжелым песчаным дорогам, а то

вообще по бездорожью в направлении Павловска и к вечеру 22 сентября, перейдя железную дорогу Калач – Бутурлиновка, расположились на отдых в селах Солонецкое, Рассыпное и Квашино. Но отдохнуть нам не пришлось. Высланные в сторону Калача разьезды донесли, что по дороге из Калача на Воробьевку в панике бегут обозы нашей пехоты. Оказалось, что эти обозы принадлежат 56-й стрелковой дивизии, выдвинутой на укрепление стыка между 8-й и 9-й армиями. Противник конными частями повел наступление, опрокинул части 56-й стрелковой дивизии и, развивая свой успех, занял город Калач.

Значительная часть 56-й дивизии попала в плен, а одна бригада во главе с начальником дивизии Слуйсом, окруженная, отбивалась от наседавших белогвардейцев.

В связи с резким изменением обстановки я принял решение прекратить движение в направлении Павловска и восстановить положение наших войск в районе Калача. Части из района Ясиновки перешли в решительное наступление и, отбросив противника на юг, 23 сентября заняли город Калач. Из захваченных документов и показаний пленных мы установили состав сил и цели противника.

В калачевском направлении действовала группа генерала Савельева в составе четырех казачьих полков генерала Яковлева и трех офицерских пехотных полков, объединенных в бригаду под командованием генерала Арбузова. Перед группой Савельева была поставлена задача прорвать наш фронт в

стыке 8-й и 9-й Красных армий и во взаимодействии с корпусом генерала Мамонтова разгромить 8-ю армию, действующую на левом берегу Дона от Воронежа до Павловска. Решительные действия Конного корпуса сорвали этот план. Однако белые, потеряв Калач, то и дело переходили в контратаки, стремясь сбить передовые части нашего корпуса.

26 сентября Конный корпус, отбив атаки противника, перешел в стремительное наступление в направлениях Петропавловки, Огорева с задачей прорваться к Дону и, захватив переправы, отрезать белогвардейцам путь отхода на правый берег реки. В дальнейшем мы рассчитывали двинуться через Богучар в Евстратовку и нанести удар противнику, действовавшему в направлении Павловска.

26 и 27 сентября разгорелись исключительные по своему ожесточению бои корпуса с кавалерией в районе Котовка, Березняги и пехотой противника севернее Казанской. Конница белых, выбитая 4-й кавалерийской дивизией из Ново-Троицкого, Старой Криуши, а 6-й дивизией из Красноселовки и Петропавловки, бросилась к переправе через Дон у Подколодновки. Но переправа уже была захвачена передовыми частями 6-й кавалерийской дивизии, наносившей удар во фланг и тыл противнику с юго-запада. Белоказаки начали беспорядочный отход к станице Казанской. Но если конница противника в панике металась из стороны в сторону, то белогвардейская пехота оказала отчаянное сопротивление. Офицерская бригада Арбузова залегла по высотам севернее ста-

ницы Казанской и открыла ураганный огонь по атакующим полкам нашей 4-й кавалерийской дивизии. Начался жаркий бой. Офицеры дрались яростно и в плен не сдавались. Раненые либо кончали жизнь самоубийством, либо пристреливались оставшимися в живых. Особо упорно оборонялись офицеры, сбившиеся у штаба бригады, вокруг черных знамен с двухглавыми орлами. Командир 22-го кавалерийского полка Федор Максимович Морозов с небольшой группой храбрецов бросился в самую гущу офицеров, оборонявших штаб бригады. Под Морозовым убили коня, сам он был дважды ранен, но это не остановило храброго командира. С шашкой в одной руке и с револьвером в другой он, пробиваясь вперед, уничтожил одиннадцать белогвардейцев, в числе их генерала Арбузова.

Страшную картину представляла местность, где происходил этот жестокий бой: повсюду на изрытых, почерневших холмах лежали обезображенные шашечными ударами трупы людей и лошадей, повсюду были разбросаны винтовки и пулеметы.

Таков был конец группы генерала Савельева. На поле сражения противник оставил больше полутора тысяч убитых, восемьсот белогвардейцев были взяты в плен. Захвачено три легких орудия, свыше тридцати пулеметов, до семисот снарядов и до двух тысяч подвод, груженных преимущественно хлебом.

Кроме того, были освобождены из плена бойцы 56-й

стрелковой дивизии.

* * *

После разгрома группы Савельева в районе Калача и Казанской создавалась реальная возможность для ликвидации противника перед всем фронтом 9-й армии и удара Конным корпусом на Миллерово в духе плана рейдовой операции, задуманной мной еще в период действий корпуса в районе Усть-Медведицкой.

Свои соображения о плане дальнейших действий и о результатах боев за последние дни я решил доложить командиру Особой группы войск Шорину и с этой целью отправился 27 сентября в Калач, где находился штаб нашего корпуса. Без особого труда соединившись с Шориным по аппарату Морзе, я доложил ему о разгроме группы генерала Савельева и восстановлении положения на участке 56-й стрелковой дивизии – в стыке 8-й и 9-й армий.

Но, к моему удивлению, успешные действия корпуса, начатые по нашей инициативе, не порадовали командующего. Шорин почему-то отнесся к моему сообщению так, будто разгром группы Савельева не улучшал обстановки в стыке наших армий и особенно положение правого фланга 9-й армии, хотя это было очевидным. Даже наши враги говорили потом, что разгром группы генерала Савельева вынудил их отвести за Дон 2-й Донской корпус, действовавший против

9-й армии. А когда я предложил нанести корпусом удар по противнику от станицы Казанской вдоль Дона перед фронтом 9-й армии, а затем разрешить нам рейд на Миллерово, командующий ответил, не задумываясь:

– Это нецелесообразно.

– Как это нецелесообразно? – горячо возразил я. – Эти действия обязательно приведут к полной ликвидации противника перед фронтом 9-й армии. Противнику даже отступить будет некуда. Казанская в наших руках. А от этой станицы до устья Медведицы переправ и бродов на Дону нет. После ликвидации противника 9-я армия выйдет на Дон, а корпусу может быть поставлена новая задача.

– Не годится, – коротко повторил Шорин и приказал двигать корпус в район Бутурлиновки для действий против Мамонтова, то есть выполнять ранее поставленную ему задачу.

Утром следующего дня в соответствии с письменной директивой, которой Шорин подтвердил свое распоряжение, корпусу был отдан приказ оставить станицу Казанскую и начать марш на Бутурлиновку.

Во время марша корпуса на Бутурлиновку нам стало известно, что Мамонтов, переправившись через Дон в районе Сторожево, начал новый рейд по тылам нашей 8-й армии и занял станцию Таловую. Я отдал уже приказ двигаться на Таловую и вдруг получил новую директиву командующего от 30 сентября. Этой директивой Шорин приказывал корпусу вернуться назад в Казанскую и нанести удар по противни-

ку перед фронтом 9-й армии вдоль Дона на станицу Вешенскую, то есть то, что я предлагал несколько дней назад и что было отвергнуто им, Шориным.

Нельзя было не удивиться такой непоследовательности командующего. Я опять связался с Реввоенсоветом Особой группы войск, сообщил, что корпус двигается для действий против Мамонтова и что возвращение его считаю нецелесообразным. Однако Шорин категорически потребовал выполнять его приказ и при этом заявил, что с моим мнением он считаться не может.

Я ответил, что план удара корпуса на Вешенскую вдоль Дона был предложен мною, когда корпус находился на Дону в районе станицы Казанской. Тогда этого удара требовала обстановка и выгодное расположение корпуса. Теперь же, когда Мамонтов угрожает глубоким тылам 8-й армии и всему Южному фронту, удар корпуса на Вешенскую будет бессмысленным и даже граничащим с предательством, а поэтому корпус выполнять его не станет, а будет продолжать движение на Мамонтова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.